

Рецензируемый выпуск полностью посвящен народам Средней Азии и Казахстана. Он включает предисловие и три гармонично дополняющих друг друга раздела – «Этнические процессы в современном мире», «Наука о расах», «Народы. История и культура». К числу бесспорных достоинств сборника относится то, что значительная часть представленных в нем статей написана на основе полевых материалов. Как полевые, так и литературные материалы, привлеченные авторами, охватывают широкий спектр этнокультурных и этносоциальных проблем.

Открывает сборник статья Л.А. Чவர்ь «О структуре таджикского этноса. (Научная и народная точка зрения)». Уже при одном взгляде на заголовок представленной Л.А. Чவர்ь статьи встает вопрос, кого названный этнос подразумевает – титульную нацию Таджикистана, таджиков Узбекистана, таджиков Афганистана? Или всех вместе? Наверное, из-за этой неопределенности у таджиков, как указывает автор статьи, «довольно размытые представления <...> о собственно этносах» (с. 12). Поскольку Л.А. Чவர்ь не дает своего понимания термина *этнос* (трудно представить, что это иностранное слово встречалось в народной лексике таджиков), то ее утверждение о том, что «внятно охарактеризовать так называемую общетаджикскую традиционную культуру не только затруднительно, но и в принципе невозможно» (там же), вызывает некоторое недоумение. Исследовательница убеждена, что охарактеризовать эту культуру невозможно «не только для самих таджиков, но и для любого отважившегося на это исследователя», поскольку как исторически двукорневая культура она, «видимо, и через столетия <...> так и не превратится в органическое целое» (там же). На этой основе Л.А. Чவர்ь предполагает, что «так называемая этническая культура среднеазиатских таджиков – не столько реальный исторический феномен, сколько идеальное построение, возникшее в недрах этнической идеологии» (там же).

Когда Л.А. Чவர்ь пишет об отсутствии органической целостности таджикской культуры, читатель вправе ожидать от автора основательной попытки выявления причин рассматриваемого явления. Но в этом плане не все получается. Чрезмерная категоричность при отсутствии достаточной фактологической базы публикации уводит автора в сторону от объективного анализа проблемы. Она не позволяет Л.А. Чவர்ь вспомнить, как минимум, работу Т.А. Жданко, согласно которой «из основных народов Средней Азии более всего продвинулись к началу XX в. по пути национального становления таджики, узбеки и казахи»¹. Говоря о последствиях реакционной национальной политики царизма в регионе, Т.А. Жданко акцентирует внимание на том, как после завоевания края Россией сложившаяся веками целостность этнических территорий, в том числе и таджиков (с. 66), была искусственно нарушена.

Следует отметить, что в этом отношении более разрушительными для таджикского народа оказались результаты так называемого национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г., которое сами его идеологи именовали «разделение топором». Тогда Таджикистан и был наделен статусом автономной республики в составе по сути дела гибридного образования – *Узбекистана*. В 1929 г. Таджикская автономия была преобразована в союзную республику. При этом выяснилось, что на ее территории, в отличие от других союзных республик, нет ни одного города. Ходжент (совр. Худжанд) с преобладающим таджикским населением относился к Узбекистану, нынешняя столица республики, Душанбе, в то время представляла собой относительно небольшой кишлак. Поэтому для придания республике, как это понимали ее создатели, цивилизованного вида, пришлось вывести Ходжент из подчинения Узбекистану и передать Таджикистану. Последствия столь серьезной этнической травмы для органической целостности этнической культуры таджиков нетрудно представить. Город для земледельческого населения сопоставим с водой – фактором жизни. Некоторые исследователи, которые рассуждают об аморфности этнического самосознания таджиков, не учитывают последствий, с позволения сказать, анатомирования, которому была подвергнута их этническая культура в процессе осуществления большевиками своей национальной политики.

И в самом деле, Таджикская ССР создавалась из осколков районов таджикской оседлости, в основном оторванных от Среднеазиатской равнины и, следовательно, от центров цивилизации, главными из которых были города Самарканд и Бухара, оказавшиеся на территории Узбекистана. В итоге Таджикистану достались островки таджикских поселений, зажатые границами соседних государств, проходившими подчас через районы со сплошным расселением таджиков и линиями труднопроходимых горных вершин, разделяющих этнический массив на замкнутые зоны. Два из них – Гиссарский и Туркестанский хребты – лежат между севером и югом Республики Таджикистан (РТ), о чем сказано в статье Л.А. Чவர்ь. Север и юг, в свою очередь, прорезаны другими многочисленными горными линиями, членив население на более мелкие локальные группы. Но беда в том, что функционирование горных трасс, проложенных через указанные хребты, носит в основном сезонный характер. В зимнее время (в условиях высокогорья это 5–6 месяцев) ес-

ли не оба перевала, то один из них – Зидди, проложенный на высоте более 3,6 тыс. м, – закрыт. Уже один этот факт позволяет представить масштабы проблемы этнического (национального) единства таджиков.

Мы, таким образом, видим, что современные проблемы, связанные с «целостностью этнической культуры среднеазиатских таджиков» (с. 12), помимо всего прочего, являются производными неблагоприятных физико-географических условий их обитания. В Таджикистане сама природа принуждает к «независимости» локальных групп, часто изолируя их друг от друга. Так они живут из поколения в поколение, часто соблюдая «свои» обычаи, как это делали их предки.

Л.А. Чவர்ь много внимания уделяет проявлениям регионализма (местнического самосознания) в таджикском обществе. Как видно, в условиях современного Таджикистана вынужденной обращенности локальных групп в указанных измерениях на самих себя и, следовательно, развитию регионализма (местничества), заметно ослабившего их этническое единство, способствовало, кроме того, отсутствие стабильных коммуникаций (взаимодействий) на общетническом (национально-государственном) уровне. Это обстоятельство не позволяет населению стабильно и продуктивно взаимодействовать на этническом уровне. Приходится повторять, что в основном именно эта ситуация – источник сохранения определенных черт различия в языке, культуре, хозяйстве и ментальности в разных районах республики. К этому следует добавить разноудаленность северных и южных таджиков от традиционных центров среднеазиатской цивилизации. В условиях современного Таджикистана приходится говорить не об искусственно возведенных стенах, а о высочайших горных хребтах со всеми отсюда вытекающими для этнического единства таджиков последствиями. Не забудем, что горы составляют 93% территории Таджикистана. Сжато описанная ситуация говорит о том, как сложна и неоднозначна и к тому же болезненна для таджиков проблема структуры таджикского этноса. Конечно, все это хорошо известно Л.А. Чவர்ь, но почему-то она предпочла другой путь.

Таким образом, у нас складывается впечатление, что общетаджикская традиционная культура вполне узнаваема как целостность, органически впитавшая в себя всю палитру локальных предпочтений, черты различия которых обусловлены линиями гор, с одной стороны, и государственных границ – с другой. Не следует сбрасывать со счетов также разорванность во многих случаях массивов проживания таджиков чересполосно прорезающими их районами расселения тюркоязычного населения.

С размышлениями Л.А. Чவர்ь о структуре таджикского этноса перекликается статья В.И. Бушкова и Л.С. Толстовой «Население Средней Азии и Казахстана (Очерк этнической истории)». В основу их работы «положены, прежде всего, материалы переписи населения 1926 г., <...> выполненной на самом высоком научном уровне» (с. 141). Следовательно, читатель вправе ожидать их реакции на критику, которой указанная перепись неоднократно подвергалась в научной литературе. Но авторы, видимо, решили «пощадить» своих оппонентов. Поэтому статья отражает видение проблемы лишь с одной стороны. Это заметно, когда они цитируют известное предписание В.И. Ленина (1920 г.) тюркестанским коммунистам и Турккомиссии о разделении Туркестана на «Узбекию, Киргизию и Туркмению» (с. 143). Однако критики национально-государственного размежевания Средней Азии и переписи 1926 г. уже давно отметили абсурдность директивы Ленина, в частности, из-за игнорирования национальных интересов таджиков. В.И. Бушков и Л.С. Толстова во всяком случае открыто не критикуют председателя Совнаркома РСФСР в этом вопросе. Это делается косвенно, путем изложения материалов переписи. Поскольку эти материалы отражают другую этническую ситуацию в регионе, читатель должен сам догадаться, что Ленин был неправ в своей национальной политике.

Другая острая тема, за которую еще недавно этнографы не решались браться – это проблема так называемых сартов, значительного по численности оседлого населения Средней Азии. Казалось, вопрос о том, что сарты являются узбеками, уже решен этнографией, а возвращение к теме лишь усилит межнациональные споры о приоритете разных этносов. Однако наука не должна ориентироваться только на политическую целесообразность.

Статья С.Н. Абашина «Миндонцы в XVIII–XX вв.: история меняющегося самосознания» посвящена важной проблеме становления мироощущения и самоопределения групп, населяющих современные государства среднеазиатского региона. В силу своего политического и идеологического подтекста эта тема до сих пор не разрабатывалась должным образом, так что даже самый факт обращения к ней надо отнести к несомненным достоинствам рассматриваемой работы. Автором ставится под сомнение, что становление «современных вариантов самосознания в Средней Азии <...> явилось результатом естественного и неизбежного этнического развития» (с. 22). По мнению С.Н. Абашина, процесс становления современных наций отнюдь не имел характера естественного и поступательного развития, а узбеки и таджики – это искусственно созданные нации (с. 46). Отсюда он приходит к выводу о некотором «моральном устаревании» и неуниверсальности «теории этноса».

Для иллюстрации общего характера изменений этнического самосознания населения Ферганской долины автор отправляется от реалий одного селения – Миндона. Надо сказать, что такой опыт оказался весьма результативным; скрупулезный анализ данных, относящихся к этому селению, позволил С.Н. Абашину ус-

тановить, что изменение за период менее чем в полвека этнического самосознания групп, населявших кишлак Миндон, от таджикского через сартское к узбекскому как в зеркале отражает глобальный процесс направленного изменения этнического (национального) самосознания не только в Ферганской долине с ее мозаичным этническим составом населения, но и во всех других районах, вошедших в состав Узбекистана.

Обращение С.Н. Абашина к сартской проблематике заслуживает самого горячего одобрения. Тема сартов – одна из самых сложных в этнографии Средней Азии. Искаженная точка зрения по этому вопросу, которая господствовала в советское время, «сбила с толку» многих исследователей. Отрадно, что С.Н. Абашину удалось преодолеть многие стороны прежних заблуждений. Он прослеживает, как менялось понимание термина сарт в русской литературе от оседлого жителя, занимавшегося преимущественно торговлей, до представителя самостоятельной «этнической общности». Вызывает большой интерес тот факт, что на рубеже XIX–XX вв. население Миндона, а равно и ряда других мест, до того состоявшее из таджиков, кашгарцев, сартов и киргизов, поголовно превратилось в сартов, которые в 1920-е годы стали уже узбеками (с. 34–35). С.Н. Абашин предпринимает попытку раскрыть причины столь быстрого превращения.

Отправной точкой в вопросе этнического самосознания миндонского населения автор считает завоевание Кокандского ханства русскими войсками и включение его в состав Российской империи (с. 33). Действительно, сложно не принять точку зрения, что роль Российской империи в формировании этнического самосознания была исключительно важной (с. 46). Именно в этот период была разработана «теоретическая база», на которой уже в советский период строилась политика национально-государственного размежевания.

При стройном изложении достоверных фактов вызывает некоторое недоумение фраза (со ссылкой на В.А. Парфентьева) о якобы существовавшем ранее на месте Миндона городе, «который был разрушен "мугалами", разбитыми в свою очередь арабским войском, возглавляемым внуком пророка Мухаммада» (с. 24). Как известно, у Мухаммада было два внука – Хасан и Хусейн. Старший из них – Хасан – умер в Медине в 669 г. в возрасте 65 лет, а младший – Хусейн – был убит во время знаменитой битвы близ Кербелы в 680 г. В источниках нет и намека на то, что они хотя бы бывали в Средней Азии. К тому же покорение арабами Мавераннахра имело место несколько позже, а именно в 704–715 гг. и связано с именем Кутайбы ибн Муслима. Конечно, это предание. Мест, на которые якобы ступала нога Али или его сыновей, в Средней Азии много. К незначительным недочетам следует отнести не вполне верную дату завоевания китайцами Джунгарского ханства в 1759–1760 гг. (с. 27), в то время как общепринятыми датами существования ханства считаются 1635–1758 гг.

Статья Г.П. Снесарева «Дургадык (материалы к истории культуры и быта хорезмских узбеков группы "сарт")» в определенном смысле дополняет и уточняет выводы работы С.Н. Абашина в той ее части, где речь идет о сартах. Внимание Г.П. Снесарева сконцентрировано на выявлении характерных особенностей культуры и быта данной группы населения. Как пример он рассматривает реалии кишлака Дургадык – на левом берегу Аму-Дарьи (Хорезмская обл.). Г.П. Снесарев с присущей ему наблюдательностью заметил, что часть жителей Дургадыка термин *sart* использует как самоназвание (с. 60) и этим выделяет себя среди окружающих узбеков. Как опытный этнограф-полевик Глеб Павлович поставил себе задачу выяснить, не «материализуется» ли данное явление чертами различий в культуре и быту тех и других. Подвергнув тщательному анализу большое количество зафиксированных им самим уникальных материалов, отражающих специфические особенности материальной и духовной культуры указанных групп, автор приходит к выводу, что самоидентификация сартов основана на очевидных чертах различия «их» культуры от культуры собственно узбекской части местного населения.

Из поля зрения Г.П. Снесарева не ускользнул даже факт, что в традиционных состязаниях сарты и узбеки выступали как противостоящие друг другу команды. Статья Г.П. Снесарева была написана в 1970-е годы. Ясно, что тогда не могло быть и речи о какой-либо иной трактовке проблематики сартов, кроме общепринятой в то время. В частности, в работе формулируется представление о «сартах» как об этнографической группе в составе узбекского этноса. К сожалению, сведения, согласно которым, именно сартам обязано своим возвышением государство Хорезмшахов и благодаря им были восстановлены ирригационные системы после завоеваний Чингиз-хана и Тимура, сообщаются без ссылок на соответствующие источники (с. 58). К несомненным достоинствам работы следует отнести приведенную автором богатую местную терминологию.

Первый раздел сборника завершает статья Г.П. Васильевой. Ее очерк посвящен вопросу родового состава туркмен-иоумудов, интерес к которым обусловлен прежде всего тем, что это одно из самых крупных и многочисленных племен. Несмотря на это, они до сих пор не были с достойным предметом вниманием и скрупулезностью изучены. В работе раскрывается родоплеменная структура иоумудов, анализируется процесс инкорпорирования в племенную общность новых звеньев (с. 81). Необходимо отметить, что сама

задача фиксации мелких подразделений племени представляется чрезвычайно сложной, главным образом из-за их подвижности. Уже это показывает безусловную значимость исследования Г.П. Васильевой.

Вызывают большой интерес сюжеты, связанные с народными объяснениями этимологии названия йомуд, а также родословными племени. Эти аспекты отражены в работе с достаточной полнотой. Весьма тщательно разобраны вопросы происхождения некоторых наиболее значительных йомудских родов.

Скажем о незначительной неточности, которая вкралась в текст Г.П. Васильевой. Она пишет, что «в XVIII–XIX вв. родоплеменная структура туркмен характеризовалась многоступенчатостью и сложностью» (с. 81, 83). Вряд ли приходится думать, что в другие века было иначе. Однако абсолютно справедливо отмеченная иерархичность и многосоставность продолжала существовать и в XX в. Это видно из замечания самого автора: «родовые группы являлись подвижным организмом в XX в.» (с. 83). В рассказе о двух сыновьях Йомута – Озли-Тимуре и Кутлу-Тимуре со ссылкой на сочинение Абу-л-Гази (с. 82), имя второго сына, видимо, следует читать как Кутлук-Тимур. Кутлук (тюрк.) – «счастливый», «благословенный», имя довольно распространенное, в то время как упоминания о имени Кутлу в письменных источниках нет.

Средняя Азия представляет собой границу не только разнообразных ландшафтных, агроклиматических, зоогеографических зон, но и различных рас и хозяйственно-культурных типов, в результате чего здесь сложилась довольно пестрая этническая карта. В статье Н.А. Дубовой, которой открывается раздел «Наука о расах», излагается история антропологического изучения народов Средней Азии в русской и западноевропейской науке. Ее материал показывает, что несмотря на обилие исследований по проблемам физических особенностей местного населения, процесс формирования народов изучен не полностью (с. 100).

По мнению автора, практиковавшийся прежде метод порайонной выборки не всегда дает ожидаемые результаты, в основном из-за пестроты этнического состава населения, характерной для большинства районов Средней Азии. Н.А. Дубова считает, что в этом вопросе более предпочтителен покишланный метод формирования выборки.

В вопросе классификации народов региона имели место значительные терминологические различия: авторы нередко один и тот же антропологический вариант определяли совершенно различными терминами.

Суммируя рассматриваемый материал (автор подвергает анализу более 30 различных теорий по вопросу расовой семантики народов Средней Азии и Казахстана), Н.А. Дубова выделяет концепции, которые имеют наибольшее число сторонников. В частности автор допускает правомерность теории Р. Диксон о присутствии на рассматриваемой территории двух европеоидных, одной монголоидной и одной расы смешанного происхождения, теорию А.П. Пестрякова о наличии трех европеоидных и одной смешанной расы. Вместе с тем сама Н.А. Дубова придерживается точки зрения о существовании в Средней Азии трех европеоидных и двух рас смешанного происхождения (с. 119).

Г.К. Ходжайова посвятила свою работу дерматоглифическому исследованию нескольких значительных родоплеменных подразделений населения Узбекистана. Объектом детального изучения стали 18 этнических и территориальных групп. Автор выделяет две группы тюркских и тюрко-монгольских племен, которым, в соответствии с хронологией их переселения на территорию Средней Азии, даны условные названия «ранняя» и «поздняя». Сравнение этих групп по основным дерматоглифическим показателям выявило их определенные различия, а также дало основания «стратифицировать исследованные узбекские популяции по степени наличия "древнего" компонента» (с. 139). Так, некоторые группы кыпчаков, канглы и входящие в подразделение йузов нуратинские туркмены переселились на территорию Узбекистана раньше, чем большинство остальных групп. К несомненным достоинствам работы Г.К. Ходжайовой следует отнести большой объем собранного материала (было задействовано около 3,5 тыс. респондентов), который придает выводам автора весомый характер.

В.И. Бушков представил статью «Мужские объединения на современном этапе таджикского общества». Отметим, что интерес исследователей к этой теме не ослабевает начиная с 1930-х годов. Автор анализирует любопытнейший аспект этой проблемы: воспроизводит ли этот древний социальный институт (с присущим ему множеством форм, организационных принципов, помещениями, чертами внутреннего функционирования и т.д.) себя в меняющихся условиях современности. Относительно небольшая по объему, но весьма насыщенная полевым материалом статья лишний раз подтверждает поразительную жизнестойкость этих объединений, а также свидетельствует о том, что корни этих объединений питаются из какого-то еще не раскрытого вечного источника.

Статья Н.П. Лобачевой «Общественная и семейная обрядность народов Средней Азии и Казахстана. Вторая половина XX в. (Этнографический аспект)» содержит попытку проследить развитие и видоизменение системы обрядности в Средней Азии и Казахстане не только как результат естественных, стихийных процессов, но и как следствие воздействия на нее институтов государственной власти. Это говорит о востребованности властью системы традиционной обрядности: пытаюсь видоизменить ее, власть так или иначе обращается к корням традиционной политической культуры. Статья Н.П. Лобачевой позволяет

понять специфику изменений, происходящих в сфере традиционной обрядности в период после распада СССР и образования на постсоветском пространстве новых независимых государств.

Название статьи Е.А. Юриной – «Этническая ситуация в басмаческом движении» – предполагает более широкое привлечение именно этнографического материала, но определенная неполнота в этом плане в работе все же ощущается. Автор, видимо, сознательно отказывается от обращения к данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., хотя они позволили бы составить необходимые таблицы по этническому составу басмаческих отрядов. Материалы периодических изданий тех лет значительно дополнили бы архивные материалы, приведенные автором. Поэтому представленная ею работа имеет в большей степени историческую, чем этнографическую направленность. В очерке представлена картина возникновения басмачества, наращивания им силы и, наконец, подавления различных вооруженных группировок, действующих в Средней Азии в начале XX в.

Статья О.В. Горшуновой «Работа и досуг в жизни современной узбекской женщины» представляет собой пример объективного анализа проблемы женского уклада в Средней Азии. Следует особо отметить богатые полевые материалы, собранные автором на территории Андижанской, Ферганской и Наманганской областей Республики Узбекистан, широту круга респондентов, опрошенных в ходе работы. Весьма удачно вычленив из общественной и семейной жизни женщины такие аспекты, как работа и карьера, разделение труда в домашнем хозяйстве, женские работы по дому и досуг, автор приходит к выводу, что современная жизнь женщины все более испытывает на себе влияние традиционных (досоветских) норм и представлений. О.В. Горшунова справедливо отмечает в последнее время рост роли ислама в жизни женщины. В этой связи интерес вызывают наблюдения автора об особенностях, паломничества женщин к святым местам.

Статья Г.Ю. Ситнянского посвящена анализу современных интеграционных тенденций на постсоветском пространстве. Рассматривается главным образом киргизский материал; хронологические рамки работы – 1991–1999 гг. Проблематика статьи, безусловно, актуальна, подвергнутый Г.Ю. Ситнянским анализу круг вопросов имеет принципиальное значение для понимания характера социально-экономического и политического развития среднеазиатского региона после распада СССР. Однако представляется обоснованным отметить, что научный характер статьи подразумевает скорее предъявление фактов и их обобщение, чем предложение рецептов по разрешению политических противоречий современного среднеазиатского общества.

В качестве замечания к общему содержанию сборника можно отметить, что во многих его статьях наблюдается некоторый разноречивый в написании восточных терминов (арабо-персидского или тюрко-монгольского происхождения). Во избежание недоразумений и сложностей представляется целесообразным каким-либо образом унифицировать употребляемые термины и имена собственные, либо (что предпочтительней) использовать при их написании правила транскрипции или транслитерации, принятые в востоковедческой литературе. Например, Абукарим = Абд ал-Карим (с. 27), Мир Иззет Улла = Мир Иззат Улла (с. 27), Абулгази = Абу-л-Гази (с. 56) и т.п. Также следует отметить, что некоторые тексты представленного сборника неоправданно перегружены кавычками, имеют неточности в исторических датах.

Примечание

¹ *Жданко Т.А.* Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России // *Современные этнические процессы в СССР.* М., 1975. С. 53.

Р.Р. Рахимов, Н.Е. Быстров, Н.С. Терлецкий

© ЭО, 2003 г., № 3

R.L. López Valdés. Africanos de Cuba. San Juan de Puerto Rico, 2002. 326 p.

Автор рецензируемой книги – кубинский этнолог Рафаэль Леовихильдо Лопес Вальдес. В 1968 г. он получил степень кандидата исторических наук по специальности «Этнография», представив Ученому совету тогдашнего Института этнографии АН СССР исследование одной сельской общины Кубы¹. Многие из сотрудников Института этнологии и антропологии РАН старшего поколения помнят Рафаэля, общительного молодого человека. Сам он во вступлении к книге тепло отзываясь о московских этнографах, которых он называет среди своих учителей: о Ю.П. Аверкиевой, И.Р. Григулевиче и С.А. Токареве.

По возвращении на родину Р.Л. Лопес Вальдес работал в Институте этнологии Кубинской академии наук и в 1971 г. стал его директором. Затем последовал ряд перестроек в организации общественных наук в системе АН Кубы, институт был упразднен, потом воссоздан вновь в трансформированном виде, превратившись в конце концов в отдел этнологии Центра антропологии АН Кубы. Лопес Вальдес перестал